

А.В. Власов*

A.V. Vlasov*

**Поиск собственной
идентичности: коммуникативная
и культурная память в мемуарах
сотрудников Советской военной
администрации в Германии**

**The Search for One's Own
Identity: Communicative
and Cultural Memory in the Memoirs
of Employees of the Soviet Military
Administration in Germany**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-16

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-0

УДК 94(47).084.8/084.9

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Власов А.В. Поиск собственной идентичности: коммуникативная и культурная память в мемуарах сотрудников Советской военной администрации в Германии // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 172–183. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-16.pdf>

Vlasov A.V. The Search for One's Own Identity: Communicative and Cultural Memory in the Memoirs of Employees of the Soviet Military Administration in Germany // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 172–183. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-16.pdf>]

Abstract. This article presents an analysis of the peculiarities of articulation of the identity of employees of the Soviet military Administration in Germany within the framework of communicative and cultural memory. This study was conducted on the basis of personal sources (memoirs, diaries and interviews) created by the employees themselves after their service or work in the administration. The results of the process of creating these sources are also presented as an example of transformation of communicative memory into cultural memory. The methodology of the research was based on the concept of communicative and cultural memory by Jan Assman. In the course of the study, it was possible to identify such features of articulation of identity as the representation of oneself as “neo-Decembrists”, involvement in the creation of the GDR, the opposition of the “socialist” and “capitalist”, etc. The complexity of the study of identity and its articulation is described using the categorical “plurality” of the individual aspect of “I-identity” or the multivariate “I-identity” of the Soviet person. The functioning of the communicative memory of the administration staff was complicated by the socio-political processes in the USSR in the 1940s and 1950s, the small number of this socio-territorial community, its dispersion across the country, etc. All these circumstances led to an accelerated transformation of communicative memory of the post-war experience of service and work in East Germany into cultural memory, recorded, among other things, in the memoirs of employees. Articulation of one's own identity within this framework of memory was accompanied by a gradual and inevitable disappearance.

Keywords: Soviet military administration in Germany, cultural memory, communicative memory, identity, East Germany, USSR, post-war time, memory studies.

The article has been received by the editor on 07.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье представлен анализ особенностей артикуляции идентичности сотрудников советской военной администрации в Германии в рамках коммуникативной и культурной памяти. Данное исследование было проведено на основе источников личного происхождения (воспоминаний, дневников и интервью), созданных самими сотрудниками после их службы или работы в администрации. Также представлены результаты

* Власов Алексей Владимирович, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов, Россия, e-mail: aleksvlasov3007@gmail.com

Vlasov Alexey Vladimirovich, Graduate Student, Saratov National Research State University, Saratov, Russia, e-mail: aleksvlasov3007@gmail.com

процесса создания данных источников как пример трансформации коммуникативной памяти в культурную память. Методологическая база исследования опиралась на концепцию коммуникативной и культурной памяти Яна Ассмана. В ходе исследования удалось выявить такие особенности артикуляции идентичности, как представления себя «неодекабристами», сопричастность к созданию ГДР, противопоставление «социалистического» и «капиталистического» и т.д. Сложность исследования идентичности и ее артикуляции описана с помощью категориальной «множественности» индивидуального аспекта «я-идентичности» или поливариантной «я-идентичности» советского человека. Функционирование коммуникативной памяти сотрудников администрации было осложнено общественно-политическими процессами в СССР в 1940-е и 1950-е гг., малочисленностью данной социально-территориальной общности, ее рассеянностью по стране и т.д. Все эти обстоятельства привели к ускоренной трансформации коммуникативной памяти о послевоенном опыте службы и работы в Восточной Германии в культурную память, зафиксированной в том числе в мемуарах сотрудников. Артикуляция собственной идентичности в этих рамках памяти сопровождалась постепенным и неизбежным исчезновением.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, культурная память, коммуникативная память, идентичность, Восточная Германия, СССР, послевоенное время, исследования памяти.

«Антропологический поворот» в гуманитарных и социальных науках во второй половине XX в. привел к формированию различных подходов и направлений. Среди них достойное место занимает *memory studies*¹. Выбор «памяти» как нового трансдисциплинарного объекта для исследования был предопределен возникшим противопоставлением/взаимодополнением истории и памяти, социальной и культурной обусловленностью ее формирования, кризисом «больших нарративов», пробуждением внимания к социальным группам, ранее обойденным вниманием исследователей или не имевшим собственного «голоса» и т.д.

Формирование нового исследовательского поля привело к расширению круга проблем, открывающихся в ходе взаимодействия исследователей с историческими источниками, и актуализации историко-культурного наследия общества. В этих же рамках находится изучение истории и деятельности Советской военной администрации в Германии, которое пережило бум «архивной революции» 1990-х и 2000-х гг., но не решило все исследовательские вопросы.

Объектом исследования в данной статье является идентичность сотрудников Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ), а предметом – особенности артикуляции этой идентичности в рамках коммуникативной и культурной памяти.

Методологической базой исследования является концепция коммуникативной и культурной памяти Яна Ассмана, которая находится на стыке социологии и культурологии². Прежде чем приступить к описанию исследования, необходимо охарактеризовать понятийно-категориальный аппарат этой концепции (культурную и коммуникативную память, индивидуальную и коллективную идентичность).

Согласно Я. Ассману, идентичность представляет собой совокупность знания, сознания и рефлексии, которая находит выражение в определенной культуре³. Понятие идентичности у него раскрывается через осознание этого состояния: личность должна осознавать саму себя точно так же, как и социальная группа. При этом «я-идентичность», состоящая из индивидуальной и личной идентичности, формируется извне вовнутрь, т.е. в процессе социальных взаимодействий и коммуникации внутри группы, к которой она себя относит и которая ее

¹ Васильев А.Г. *Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов* (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.

² Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004.

³ Там же. С. 139–154.

признает. Таким образом, «я-идентичность» социально и культурно детерминирована. Коллективная, или «мы-идентичность», не существует вне индивидуумов, которые образуют и воплощают это «мы». Она существует в индивидуальном и коллективном сознании. Обе идентичности взаимозависимы и определяют друг друга.

Если индивидуальная – «это создавшийся и упрочившийся в сознании индивида образ индивидуальных черт, отличающих его от всех (“релевантных”) остальных, руководимое телесностью сознание своего несводимого своеобразия, своей уникальности и незаменяемости», то личная – «это, напротив воплощение всех ролей, свойств и компетенций, которые приобретает отдельный человек через вхождение в конкретную данность общественного устройства». Оба аспекта идентичности возникают в сознании, которое формируется и специфически определяется языком, представлениями, ценностями и нормами данной культуры и эпохи. При этом оба аспекта «я-идентичности» опираются на биологическую природу человека, а коллективная идентичность полностью является социальным конструктом⁴. Преимуществом и недостатком такого положения коллективной идентичности является состояние ее жизнеспособности и актуальности в сознании членов социальной группы.

Таким образом, осознание своей коллективной идентичности основывается на ощущении сопричастности к определенной социальной группе, участии «в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через говорение на одном языке или, говоря шире, через использование общей системы символов»⁵.

Формирование и сохранение идентичности являются основными функциями памяти. Развивая концепцию «коллективной памяти» М. Хальбвакса, Я. Ассман предлагает свою концепцию коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память относится к воспоминаниям о недавнем прошлом, которые человек разделяет со своими современниками. Такая память возникает и исчезает вместе со своими носителями, основывается на личной коммуникации и непосредственном биографическом опыте, охватывает 3–4 поколения, т.е. 80 лет. В коммуникативной памяти каждый член социальной группы считается в равной мере компетентным и сопричастным. Знание, о котором идет здесь речь, приобретает вместе с языком и повседневной коммуникацией⁶.

Культурная память, по мнению Я. Ассмана, направлена на фиксированные моменты в прошлом, которое предстает перед нами в виде символических фигур воспоминания. Функционирование культурной памяти в обществе и социальной группе осуществляется с помощью особых носителей и специальных институтов. Распространение культурной памяти не осуществляется само по себе, а требует специальной заботы, что приводит к контролю за ее распространением и, самое главное, к обязательному участию в ней или отказу от участия. В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована⁷. Теперь же перейдем к объекту и предмету данного исследования.

После Великой Отечественной войны часть Красной армии дислоцировалась в Восточной Германии для выполнения союзнических договоренностей, зафиксированных на Ялтинской и Потсдамских конференциях, на заседаниях Европейской консультативной комиссии, созданной после Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. В мае-июне 1945 г. были созданы Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) и Советская военная администрация в Германии.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; и др.

⁵ Ассман Я. Культурная память... С. 149.

⁶ Там же. С. 54–56.

⁷ Там же. С. 52–59.

Советская военная администрация в Германии насчитывала в разные годы своего существования (1945–1949 гг.) от 30 до 50 тыс. сотрудников (военнослужащих и вольнонаемных)⁸. Для этого контингента советских людей, большинство из которых были участниками Великой Отечественной войны, возвращение в мирную жизнь было сопряжено с несением службы или работой на территории Советской зоны оккупации Германии, где им пришлось примерить на себе роль гражданской администрации в чуждом и буржуазном мире. Проживая в «маленьком СССР» в центре Европы⁹, военнослужащие получили опыт повседневной жизни, который был далек от советских лекал и вступал с ними в противоречие. Обретение этого опыта происходило на фоне тяжелого перехода к мирной жизни и продолжительной разлуки с Родиной.

После окончания оккупации в СССР вернулось свыше 50 тысяч военнослужащих и вольнонаемных, проработавших в Германии от нескольких месяцев до нескольких лет и сформировавших свою уникальную идентичность, которая нуждалась в осмыслении и сохранении после распада этой социально-территориальной общности.

Особенности артикуляции идентичности сотрудников СВАГ были выявлены на основе источников личного происхождения – воспоминаний, написанных самими сотрудниками после их службы или работы в СВАГ.

После демобилизации и возвращения в СССР процесс индивидуальной и коллективной идентификации сотрудников СВАГ был сломлен общественными и политическими процессами рубежа 1940-х и 1950-х гг. (борьба с инакомыслием, космополитизмом, шпиономания, «суды чести» и т.д.), которые не могли допустить чрезмерного влияния советских граждан, оказавшихся в буржуазном мире, и должны были мобилизовать население и нормализовать общество (введение новых образцов, норм и правил поведения, нового языка)¹⁰.

Возвращение сотрудников СВАГ в советскую повседневность из Восточной Германии в разгар этих процессов не могло не породить желания представить их как потенциальных «неодекабристов»¹¹. Феномен послевоенного «неодекабризма», который мог быть среди всех советских военнослужащих в 1944–1945 гг., в отечественной историографии уже был подвергнут обоснованной критике¹². Большой соблазн представляет собой распространение этого концепта на сотрудников СВАГ, которые более интенсивно и более продолжительно могли подвергнуться влиянию «демократического импульса». Более того, этот концепт озвучивался и самими сотрудниками, особенно связанными с интеллектуальной деятельностью, как в период работы в СВАГ, так и после нее.

Известный историк-германист, бывший сотрудник Управления пропаганды (информации) СВАГ Я.С. Драбкин в интервью Н.П. Тимофеевой вспоминал: «Нас же демобилизовали, выбросили, выселили всех сразу. <...> А так – “Ух!” и никаких связей с ГДР многие годы. Иосиф Виссарионович боялся нас, увидевших что-то за границей. Декабристов он боялся. Они до Франции в войну дошли. И принесли в Россию 1825 год. А здесь вообще – буржуазное влияние. Ясно, что оно должно было на нас быть. Пятно на нас было»¹³. Свою историю отправки в СССР излагает и другой сотрудник этого подразделения Б.Г. Тартаковский: «Ко мне был приставлен до отъезда (чтобы, не дай бог, не сбежал в Западный Берлин) так сказать “ментор”. На счастье, им был “назначен” мой хороший приятель, прекрасный

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 48. Д. 1а. Л. 1–57.

⁹ Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели: Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945–1949. М., 2021.

¹⁰ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017.

¹¹ Юдин К.А. Роль органов государственной безопасности (НКВД / НКГБ – МГБ СССР в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940–1950-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Ч. 2. Иваново, 2016. С. 740–749.

¹² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 3234.

¹³ Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой – другой – чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж, 2014. С. 133.

человек, с которым мы поддерживали дружеские отношения в Москве до самой его ранней смерти, Павел Лозневой. Не забуду, как он тогда сказал мне: “Когда я окажусь в таком же положении, как ты сейчас, я хотел бы, чтобы ко мне приставили кого-то вроде меня...”¹⁴. Иначе это было сформулировано Г. Климовым, который после побега на Запад заявил: «Каждый советский человек, увидевший Европу своими глазами – это потерянный для советской власти гражданин. Он, как механизм, продолжает исполнять свои функции, но яд познания истины не прошел бесследно»¹⁵.

Вышеприведенные цитаты иллюстрируют сложное отношение советской власти к своим сотрудникам, служившим на территории Восточной Германии после войны, однако понятие «страха перед данным контингентом» для советской власти как перед потенциальными «неодекабристами» вряд ли применимо. Об особой реинтеграции, культивации данной коллективной идентичности и коммуникативной памяти, формировании особых коммеморативных практик для этой социальной общности не могло быть и речи. Перед государством стояли задачи управления памятью о Великой Отечественной войне и селекции локальных коммеморативных практик о ней. Память о Великой Отечественной войне и послевоенных событиях, по замыслу советского руководства, представляла собой прославление советской военной мощи, партийно-государственного руководства и в первую очередь вождя, рождение сверхдержавы и создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Индивидуальное участие в этом процессе было практически невозможным, а артикуляция своей коллективной идентичности после войны в течение двух десятилетий была невозможной.

По мнению В.А. Козлова и М.Е. Козловой, представление сотрудников СВАГ как «неодекабристов» является ложным и спекулятивным¹⁶. Во-первых, «проявления “вольнодумства” имели место на всем протяжении советской истории»¹⁷. Во-вторых, «наивно считать те или иные проявления недовольства, даже сопровождаемые критикой в адрес “начальства”, “неодекабризмом”, т.е. осознанным стремлением к изменению общественных порядков или хотя бы невнятным выражением этого стремления», скорее «определение придумала сама власть, обратившая после войны острие своей критики и репрессий против “преклонения перед заграницей” и “космополитизма”». Тем не менее миф об этом состоянии оказался чрезвычайно живучим в индивидуальном и коллективном сознании самих сотрудников, а стремление не подвергать себя опасности разрушало коммуникацию между бывшими сотрудниками, которые оказались разбросаны по всей территории СССР. Невозможность коммуникации для поддержания своей коллективной идентичности подкреплялась другими личными заботами сотрудников СВАГ.

Оформление коллективной идентичности и коммуникация между сотрудниками СВАГ упиралась также в то обстоятельство, что в Восточной Германии оказались абсолютно разные люди, для которых служба и работа в Советской оккупационной зоне либо очередной этап в биографии, либо огромный социальный и культурный капитал, попавший в «руки» молодого советского человека, только окончившего школу или вуз и начавшего свой жизненный путь в советском обществе. Среди них и заместители министров, и высшие офицеры, и рядовые сотрудники Главного Политического управления РККА¹⁸, и люди из «глубинки» и т.д., которых объединяло только общее присутствие в определенный момент на определенной территории при определенных обстоятельствах. Кажущаяся на первый взгляд гомогенность социальной группы превращается в гетерогенную социальную общность. Таким образом, перед нами категориальная «множественность» индивидуального

¹⁴ Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО. Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 286–287.

¹⁵ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 279.

¹⁶ Козлов В.А., Козлова М.Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018. М., 2018. С. 304–305.

¹⁷ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 117.

¹⁸ С 1946 г. – Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР.

аспекта «я-идентичности», по Я. Ассману, или поливариантная «я-идентичность» советского человека.

Во-первых, коллективная идентичность определялась не самой службой в СВАГ, а по службе и работе в конкретных управлениях и отделах, где поддерживалась устойчивая межличностная коммуникация¹⁹. Во-вторых, коллективная идентичность сотрудников СВАГ растворялась среди остальных, сформированных по территориальному, профессиональному, биографическому и другим принципам. В-третьих, элемент индивидуального аспекта «я-идентичности» в виде службы в СВАГ был имплантирован в жизненные траектории многих сотрудников²⁰. Опыт пребывания в Германии был востребован военнослужащими после их демобилизации и устройстве в послевоенной жизни Советского Союза. Многие сотрудники уже там, в Германии, испытывали влечение к исторической науке, журналистике, немецкой литературе, культуре и истории Германии, ее связям с СССР. Поэтому неудивительно, что из офицеров СВАГ вышла плеяда известных российских историков-германистов: Е.А. Бродский, М.И. Семиряга, А.А. Галкин, Я.С. Драбкин, В.Д. Кульбакин и В.А. Ермолаев. Советская журналистика и филология обогатились такими именами, как В.В. Чубинский и Е.А. Кацева. В.А. Ермолаев писал: «Мой интерес к исторической науке проявлялся главным образом в том, что во время своих путешествий по Восточному и Западному Берлину я заходил в букинистические лавки и покупал интересующие меня книги. Но я пытался соприкоснуться и с самой наукой. Однажды я отправился в университет и попал на лекцию Бетгена, курс истории средневекового Средиземноморья»²¹. Конфуз, который пережил А.А. Галкин в связи с его неподготовленностью к интервью с Конрадом Аденауэром, стимулировал составление библиотеки по проблеме, ставшей в итоге темой кандидатской диссертации ученого²².

Повсеместная актуализация воспоминания о Великой Отечественной войне в 1960-е и 1970-е гг. усилиями советской власти и советского общества совпадает также с формированием полноценной коммуникативной памяти сотрудников СВАГ и одновременно с появлением культурной памяти о советской оккупации Восточной Германии, так как она была неотъемлемой частью окончания Великой Отечественной войны. Данный процесс связан с совпадением множества факторов. Во-первых, советское государство превращается в «диктатуру воспоминаний» (Erinnerungsdiktatur), используя память о великих достижениях эпохи сталинизма – победу во Второй мировой войне и создание основ социалистического строительства – в качестве главных стратегий регенерации доверия масс к режиму и легитимации²³, особенно это касалось подрастающего поколения, лично не знакомого с войной, но причастного к ней в рамках коммуникативной памяти. Во-вторых, необходимость поддержания престижа СССР в мировой политике в условиях новых международных вызовов. В-третьих, рост запроса советского общества на увеличение коммеморативных практик и появление новых коммеморативных инициатив. В-четвертых, постепенное угасание военного поколения и «живой» памяти о Великой Отечественной войне, у самих же ветеранов в этот период появилось гораздо больше времени для досуга и размышления над своим опытом.

¹⁹ Бубнов Н.А. «Дневник военного редактора». Воспоминания, копии дневниковых записей. Авториз. Машинопись // ГАРФ. Ф. Р-8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 381–386; Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. СПб., 2005.

²⁰ Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб., 2013. С. 345–56.

²¹ Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009. С. 290–291.

²² Интервью Н.П. Тимофеевой с А.А. Галкиным, декабрь 2007 – январь 2008 // Scherstjanoi E. Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949. Gransee, 2020. S. 149–168.

²³ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. S. 53, 114–120; Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970. London, 2013. P. 239–257.

Изменение советской мемориальной политики привело к «мемориальному буму»: было издано множество воспоминаний офицеров высшего и среднего звена, которые являлись участниками Великой Отечественной войны и сотрудниками СВАГ²⁴. Именно они в глазах фронтового поколения и населения СССР выглядели теми доверительными и осведомленными лицами, в трудах которых была отражена история их страны и которые могли профессионально работать с культурной памятью. Эти мемуары становились одним из воплощений культурной памяти как о самой войне, так и о последующей борьбе за «единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию»²⁵. Параллельно «мемориальному буму» устанавливается целая сеть коммуникаций между бывшими сотрудниками СВАГ и их немецкими коллегами из ГДР. Бывшие сотрудники СВАГ становятся «выездными», участвуют в советско-германских конференциях и исследованиях, т.е. пространство коммуникативной памяти функционирует наравне со складыванием культурной памяти. Примечательна здесь цитата из воспоминаний Е.А. Бродского: «Прошли десятилетия, но я по-прежнему поддерживаю дружеские связи с семьями уже умерших боевых товарищей, однополчанами и немецкими соратниками, с которыми свела меня жизнь в незабываемые фронтовые годы и необычный период в Берлине, в немалой степени определившие мои дальнейшие общественные и научные интересы»²⁶.

Одновременное сосуществование коммуникативной и культурной памяти о послевоенных событиях в Германии характеризуется повышенным вниманием к двум сюжетам, которые олицетворяют «я-идентичность» и «мы-идентичность» сотрудников СВАГ.

Первый из них – это сопричастность к созданию ГДР и борьбе за мирное устройство в Восточной и Центральной Европе. Рождение нового государства в условиях обостряющейся «холодной войны» сопровождалось созданием культа освобождения немецкого народа от «гитлеровского фашизма» и освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе, антифашистской демократии и т.д.²⁷ Еще в 1951 г. был издан исторический роман В.Н. Собко (начальник отдела культуры газеты «Советское слово» в СВАГ) с соответствующим названием «Залог мира», который был удостоен Сталинской премии третьей степени за 1950 г.²⁸ Содержание воспоминаний и оценки исторических событий укладывалось в мемориальные нарративы СССР и ГДР²⁹. Показательна в этом отношении аннотация воспоминаний К. Исабаева: «Автор поставил перед собой сложную, но благородную задачу: рассказать своим землякам о немецком народе, о встающей из руин фашизма – новой социалистической Германии, о победе могучих сил мира и социализма над силами реакции и войны»³⁰. С одной стороны, «я-идентичность» бывших сотрудников СВАГ растворялась в ритуализованных манифестациях германо-советской дружбы, а с другой – «мы-идентичность» бывших сотрудников СВАГ актуализировалась и становилась востребованной в культурной политике СССР и ГДР.

Второй сюжет ведет свое происхождение еще с существования СВАГ и нашел свое отражение в многочисленных документах и периодических источниках. Речь идет об идеологическом противостоянии между социалистическим и капиталистическим блоками, которое выражалось в оппозиции «свой-чужой» во всех возможных сферах. Такая оппозиция позволяла поддерживать устойчивость коллективной идентичности, противопоставляя ее остальным, на протяжении длительного времени и закрепила в культурной памяти. Все «социалистическое» автоматически становилось прогрессивным и гуманным, тогда как

²⁴ См., например: *Котляр Н.М.* Именем закона. М., 1981; *Боков Ф.Е.* Весна победы. М., 1985; *Колесниченко И.С.* Битва после войны. М., 1987; *Tjulpanow S.* Deutschland nach dem Kriege (1945–1945). Berlin, 1987; и мн. др.

²⁵ *Кирсанов А.В.* Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951.

²⁶ *Бродский Е.А.* Это известно немногим. Красногорск, 1996. С. 317.

²⁷ *Флакке М., Шмигельт У.* Германская Демократическая рспублика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 118–135.

²⁸ *Собко В.Н.* Залог мира. Таллин, 1951.

²⁹ *Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden.* Berlin, 1974.

³⁰ *Исабаев К.* Последние сутки. Записки работника советской комендатуры. Алма-Ата, 1973.

«буржуазное» или «капиталистическое» – пагубным и опасным. Характерными являются следующие рассуждения: «В советском секторе работают заводы и фабрики. Работают некоторые театры, кино. В западных секторах – американском, английском и французском – лихорадка ночной жизни. Появились бесчисленные кабаре, ночные ресторанчики»³¹ и «Все это [гуманитарная помощь населению от СССР] необычно было для западного журналиста, для европейского обывателя, привыкшего мыслить категориями личного интереса, масштабами “моей выгоды”. Для советского человека это было нормой поведения, нормой его нравственной сути. Этим-то и отличается социалистическая мораль от капиталистической»³².

Такое противопоставление доходило даже до понятия «оккупация»: «Другими словами, в понятие “оккупация” мы вкладываем совершенно иное, чем буржуазные страны, классовое содержание»³³. Например, крупный историк ГДР Стефан Дёрнберг, некогда работавший корреспондентом в газетах, издаваемых в СВАГ, в своем труде «Краткая история ГДР», вышедшем в 1971 г., писал: «Впервые в истории функции оккупационной державы с 1945 г. выполняло социалистическое государство. В его оккупационной политике, в деятельности СВАГ наглядно, в особых условиях проявилось превосходство социализма над капитализмом, гуманистическая сущность социализма, пролетарский интернационализм, ленинские принципы внешней политики Советского Союза»³⁴. Почти дословное совпадение присутствует и в воспоминаниях сотрудника СВАГ В.Е. Скоробогатова: «Но вот крутой зигзаг истории и финал войны потребовали, чтобы на чужую территорию, во имя идеи справедливости, пришли воины, воспитанные в духе великих гуманных идей ленинизма, в духе глубочайшего уважения к человеку, ненависти к злу и насилию. В Германию вступили и остались советские войска. И смысл слова “оккупация” стал совершенно иным»³⁵.

«Множественность» индивидуального аспекта «я-идентичности», малочисленность сотрудников СВАГ в рамках всей страны и их рассеянность по всей стране привели к тому, что Я.С. Драбкин в интервью не без длительной рефлексии резюмировал: «Сообщества советских офицеров, которые были в Германии, не сложилось. Мы были раздроблены, разогнаны по разным местам. ... Нет, у нас сопротивления сталинизму не было. Нас была-то горстка людей в советской администрации, те, кто, скажем, из группы Тюльпанова больше всего занимался немцами. Другие же вообще занимались чем угодно. И оккупационной политикой, и не политикой, а хозяйством. ... Ведь в отделе работали люди, которые и немецкого языка не знали, партийные, надзиратели или исполнители, или что угодно. У Тюльпанова заместители не знали немецкого языка. Его ругали за то, что половину он набрал евреев, и за это его проверяли и хотели снять»³⁶.

Таким образом, на примере издания и содержания воспоминаний бывших сотрудников СВАГ можно проследить особенности артикуляции индивидуальной и коллективной идентичности в рамках коммуникативной и культурной памяти. В нашей коллекции свыше 50 источников личного происхождения (воспоминания, дневники и интервью), которые позволяют сделать некоторые выводы. Функционирование коммуникативной памяти о службе и работе СВАГ было осложнено общественно-политической ситуацией в СССР в 1940-е и 1950-е гг., а также «множественностью» индивидуального аспекта «я-идентичности», рассеянностью сотрудников после работы по стране и их переключением на другие сферы личной и общественной жизни. Необходимость и желание актуализации опыта работы и службы в СВАГ появились у сотрудников в период изменения мемориальной политики СССР, направленной на ускорение трансформации коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне в культурную память. Эта тенденция стала нарастать к 1980-м гг., когда был достигнут

³¹ Верников С.М. Записки военного переводчика. Свердловск, 1977. С. 101.

³² Котиков А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М., 2016. С. 49–50.

³³ Боков Ф.Е. Весна победы... С. 379.

³⁴ Дёрнберг С. Краткая история ГДР. М., 1971. С. 36–37.

³⁵ Скоробогатов В.Е. Отгремели залпы. Репортаж через годы. Алма-Ата, 1976. С. 123.

³⁶ Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева)... С. 138.

40-летний рубеж, согласно которому, по Я. Ассману, «живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом»³⁷. При этом данный рубеж совпал с началом перестройки и исчезновением цензуры в печатных изданиях. В дальнейшем уже в ходе «архивной революции» 1990-х и 2000-х годов темы, связанные со СВАГ, стали достоянием культурной памяти. Продолжение выхода различных воспоминаний и интервью с бывшими сотрудниками обогащали представления об их индивидуальной и коллективной идентичности, некоторые особенности артикуляции которых удалось рассмотреть в данной статье.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.

Боков Ф.Е. Весна победы. М.: Мысль, 1985. 416 с.

Бродский Е.А. Это известно немногим. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. 392 с.

Васильев А.Г. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.

Верников С.М. Записки военного переводчика. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1977. 136 с.

Дёрнберг С. Краткая история ГДР. М.: Мысль, 1971. 542 с.

Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2009. 563 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.

Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой – другой – чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 119–141.

Исабаев К. Последние сутки. Записки работника советской комендатуры. Алма-Ата: Жазушы, 1973. 208 с.

Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2005. 253 с.

Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 210 с.

Кирсанов А.В. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М.: Госполитиздат, 1951. 120 с.

Климов Г. Песнь победителя. Краснодар: Пересвет, 2002. 688 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели: Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945–1949. М.: Новое литературное обозрение. 2021. 288 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2018. М.: Модест Колеров, 2018. С. 298–415.

Колесниченко И.С. Битва после войны. М.: Воениздат, 1987. 238 с.

³⁷ Ассман Я. Культурная память... С. 11.

Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 415 с.

Котилов А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М.: Вече, 2016. 382 с.

Котляр Н.М. Именем закона. М.: Воениздат, 1981. 221 с.

Скоробогатов В.Е. Отгремели залпы. Репортаж через годы. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 231 с.

Собко В.Н. Залог мира. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1951. 332 с.

Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М.: АИРО-XX, 2005. 446 с.

Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб.: Нестор-история, 2013. С. 345–356.

Флакке М., Шмигельт У. Германская Демократическая Республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 118–135.

Юдин К.А. Роль органов государственной безопасности (НКВД / НКГБ – МГБ СССР в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940–1950-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. С. 740–749.

Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970. New Haven; London: Yale University Press, 2013. 362 p.

Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden. Berlin: Dietz, 1974. 439 s.

Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. 184 s.

Scherstjanoi E. Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949. Gransee: Edition Schwarzdruck, 2020. S. 149–168.

Tjulpanow S. Deutschland nach dem Kriege (1945–1945). Berlin, 1987. 357 s.

References

(1974). Kampfgefährten Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden. Berlin, Dietz. 439 s.

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole. 286 p.

Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 363 p.

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond. 322 p.

Bokov, F.E. (1985). *Vesna pobedy* [Spring of Victory]. Moscow, Mysl'. 416 p.

Brodskiy, E.A. (1996). *Ehto izvestno nemnogim* [Few People Know T his]. Krasnogorsk, Memorial'nyy muzey nemetskikh antifashistov. 392 p.

Dernberg, S. (1971). *Kratkaya istoriya GDR* [A Brief History of the GDR]. Moscow, Mysl'. 542 p.

Ermolaev, V.A. (2009). *“Bez gneva i pristrastiya”*: *Zapiski istorika* [“Without Anger and Partiality”]: Notes of a Historian]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta. 563 p.

Flakke, M., Shmigel't U. (2005). *Germanskaya Demokraticeskaya Respublika. Iz mraka k zvezdam: gosudarstvo v dukhe antifashizma* [The German Democratic Republic. From Darkness to the Stars: the State in the Spirit of Anti-Fascism]. In *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 118–135.

(2014). *Interv'yū s uchastnikom voyny, d.i.n., professorom Yakovom Samoilovichem Drabkinym. Dekabr' 2007 (interv'yuer N.P. Timofeeva)* [Interview with a Participant of the War, Doctor of Historical Sciences, Professor Yakov Samoilovich Drabkin. December 2007 (interviewer N.P. Timofeeva)]. In *“Svoy-drugoy-chuzhoy”: paradoksy vzaimovospriyatiya russkikh i nemtsev v kontekste istorii XX veka: materialy konferentsii*. Voronezh, Nauka-Yunipress, pp. 119–141.

Isabaev, K. (1973). *Poslednie sutki. Zapiski rabotnika sovetskoy komendatury* [The Last Day. Notes of an Employee of the Soviet Commandant's Office]. Alma-Ata, Zhazushy. 208 p.

Jones, P. (2013). *Myth, memory, trauma: rethinking the Stalinist past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven, London, Yale University Press. 362 p.

Katseva, E.A. (2005). *Moy lichnyy voennyi trofey: Povest' o zhizni* [My Personal War Trophy: A Tale of Life]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sergeya Khodova. 253 p.

Kimerling, A.S. (2017). *Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdney stalinskoy ehpokhi* [To Carry Out and to Deceive: Political Campaigns of the Late Stalinist Era]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ehkonomiki. 210 p.

Kirsanov, A.V. (1951). *Bor'ba za edinuyu, nezavisimuyu, demokraticeskuyu, mirolyubivuyu Germaniyu* [The Struggle for a United, Independent, Democratic, Peace-Loving Germany]. Moscow, Gospolitizdat. 120 p.

Klimov, G. (2002). *Pesn' pobeditelya* [The Winner's Song]. Krasnodar, Peresvet. 688 p.

Kolesnichenko, I.S. (1987). *Bitva posle voyny* [The Battle After the War]. Moscow, Voenizdat. 238 p.

Kostyrchenko, G.V. (2010). *Stalin protiv “kosmopolitov”. Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin is Against the “Cosmopolitans”. The Government and the Jewish Intelligentsia in the USSR]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN), Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina. 415 p.

Kotikov, A.G. (2016). *Zapiski voennogo komendanta Berlina* [Notes of the Military Commandant of Berlin]. Moscow, Veche. 382 p.

Kotlyar, N.M. (1981). *Imenem zakona* [In the Name of the Law]. Moscow, Voenizdat. 221 p.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E. (2018). *Pozdnyy stalinizm kak ideologicheskaya praktika. Partiynaya zhizn' sovetskikh kommunistov v okkupirovannoy Germanii. 1945–1949 gg.* [Late Stalinism as an Ideological Practice. The Party Life of Soviet Communists in Occupied Germany. 1945–1949]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik*. Moscow, Modest Kolerov., pp. 298–415.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E. (2021). *“Malen'kiy SSSR” i ego obitateli: Ocherki sotsial'noy istorii sovetskogo okkupatsionnogo soobshchestva v Germanii. 1945–1949* [“Little USSR” and Its Inhabitants: Essays on the Social History of the Soviet Occupation Community in Germany. 1945–1949]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.

Merl, S. (2012). *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*. Göttingen, Wallstein Verlag. 184 s.

Scherstjanovi, E. (2020). *Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949*. Gransee, Edition Schwarzdruck, ss. 149–168.

Skorobogatov, V.E. (1976). *Otgremeli zalpy. Reportazh cherez gody* [Volleys Died Down. Reportage Through the Years]. Alma-Ata, Kazakhstan. 231 s.

Sobko, V.N. (1951). *Zalog mira* [Pledge of Peace]. Tallin, Ehstonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 332 p.

Tartakovskiy, B.G. (2005). *VSYO ETO BYLO... Vospominaniya ob ischezayushchem pokolenii* [IT ALL HAPPENED... Memories of a Disappearing Generation]. Moscow, AIRO-XX. 446 p.

Timofeeva, N.P. (2013). Voyna i poslevoennoe prebyvanie za granitsey kak katalizator lichnogo samoopredeleniya ofitserov Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii, 1945–1949 gg. [War and Post-War Stay Abroad as a Catalyst for Personal Self-Determination of Officers of the Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949]. In *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 7–10 iyunya 2010 goda)*. Sankt-Peterburg, Nestor-istoriya, pp. 345–356.

Tjulpanow, S. (1987). *Deutschland nach dem Kriege (1945–1945)*. Berlin, Dietz Verlag. 357 s.

Vasil'ev, A.G. (2012). Memory studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: Unity of Paradigm – Diversity of Objects (Review of English-Language Books on the History of Memory)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (117), pp. 461–480.

Vernikov, S.M. (1977). *Zapiski voennogo perevodchika* [Notes of a Military Translator]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 136 p.

Yudin, K.A. (2016). Rol' organov gosudarstvennoy bezopasnosti (NKVD / NKGB – MGB SSSR v informatsionno-politicheskom obespechenii stalinskogo rezhima (1940–1950-e gg.) [The Role of State Security Agencies (NKVD/NKGB-MGB of the USSR in the Information and Political Support of the Stalinist Regime (1940s–1950s)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo, 23–24 marta 2016 g.* Part 2. Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 740–749.

Zubkova, E.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953.]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEN). 229 p.

Статья поступила в редакцию 07.11.2021 г.